

ФІЛОЛОГІЯ

УДК 811.161'344

Екатерина Акимова
(г. Тула, Россия)

РУССКОСТЬ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА СРЕДСТВАМИ ФРАЗЕОЛОГИИ

У статті відображені результати дослідження форми і змісту концепту російськості на матеріалі художніх текстів Олександра Проханова. Зроблена спроба виділити й проаналізувати специфіку репрезентації центрального концепту картини світу письменника за допомогою фразеологічних одиниць. Дослідження доводить, що виявлення та аналіз особливостей функціонування фразеологічних одиниць у художній літературі сприяє розумінню своєрідності фразеологічної картини світу в цілому.

Ключові слова: *концепт російськості, художні тексти, картина світу письменника, фразеологічні одиниці.*

В статье отражены результаты исследования формы и содержания концепта русскости на материале художественных текстов Александра Проханова. Предпринята попытка выделить и проанализировать специфику репрезентации центрального концепта картины мира писателя посредством фразеологических единиц. Исследование доказывает, что выявление и анализ особенностей функционирования фразеологических единиц в художественной литературе способствует пониманию своеобразия фразеологической картины мира в целом.

Ключевые слова: *концепт русскости, художественные тексти, картина мира писателя, фразеологические единицы.*

In the article the study's results of the forms and a concept of Russianness on the materials of the Alexander Prokhanov's literary texts are described. It deals with an attempt to allocate and analyze a specificity of a representation of the writer's central concept of a world picture by means of phraseological units. Research suggests that the identification and analysis of the functioning of phraseological units in literature contributes to understanding identity phraseological picture of the world as a whole.

Key words: *a concept of Russianness, literary texts, a picture of the writer's world, phraseological units.*

Изучение национальной концептосферы является исследованием идеального аспекта системы «культура». Концепт всегда нуждается в интерпретации, потому что в нем соединены понятия и представления, стандартизованность и уникальность. Национальные концепты, как и национальные концептосферы, не могут быть точно определены, но могут быть описаны. Возможности культурной и межкультурной коммуникации связаны с характером культур, образующих национальный культурный мир, или, иначе говоря, национальную концептосферу. Ее ядро, срединную часть составляют те черты, которые свойственны всем народам и формируются из сравнительно ограниченного набора концептов и констант. Это земля, родина, мир, религия, труд, семья, материнство, отцовство, рождение, жизнь, смерть... Каждый из них, выраженный словом, представляет лишь вербальный облик концепта.

Русский язык – оформляющее начало Русского сознания. И насколько могуч язык – еще мощнее и непомернее сознание, т. к. очень часто Русскому человеку «не хватает слов», чтобы в полноте выразить мысль.

Как отмечает профессор Ф. Фархутдинов, особое место в русском понимании Руси-Родины занимают пословицы о Москве. Пословицы о Москве показывают, что славилась она невестами, колоколами да калачами, что не раз она сгорала от копеечной свечи [18]. Герои Александра Проханова не раз упоминают о Москве как *Третьем Риме*. Наиболее показательными в этом плане становятся романы «Господин Гексоген», «Крейсерова соната», «Холм», «Пятая империя», «Теплоход „Иосиф Бродский”», «Алюминиевое лицо», «Русский», «Человек звезды», в которых обозначенная ФЕ встречается около двух десятков раз. Ср.: «... *Москва перестает быть «Третьим Римом» и становится наконец «Новым Иерусалимом»...* [9, с. 619]». Кроме того, особое место в языке писателя занимают ФЕ *Москва златоглавая, Москва слезам не верит*. Ср.: «*Не был в Москве восемнадцать лет. – Марк оживленно разглядывал мелькавшие дома, фонари, рекламы, лица женщин по тротуарам. – Видел все мировые столицы, а приехал сюда, и, представляете, сердце забилося! Родина, Москва*

златоглавая! [10, с. 225]». В данном случае явным становится отождествление города Москвы с целой страной и русским народом. Что касается второй ФЕ, выраженной в форме целого предложения с предикативной основой, то в одном случае она претерпевает трансформации. Ср.: «... *Вы едете покорять Москву, и она, не верящая слезам, поверит вашей красоте, вашей доброте, вашей искренности* [10, с. 179]»; «*Лось лежал посреди двора, одна нога вытянута, как струна, с веревкой... <...> Опять все сошлись над добычей, разглядывали её, вырывали из спины ключья жесткого меха, нюхали. <...> В десять рук оттянули белую мездру с отверстием пули, и Старик, взяв колун, принялся бить стертым тупым железом в хлюпающую отходящую кожу. – Бей его по костям. Чтоб чужие боялись. – Глянь, слёзы текут! – Москва слезам не верит* [12, с. 233]». В первом случае трансформация затрагивает формальную сторону фразеологизма: грамматические изменения приводят к исчезновению предикативной основы и появлению обособленного определения, выраженного причастным оборотом. Во втором примере наблюдаем изменения в семантике ФЕ: «говорится тогда, когда чьи-либо слезы, жалобы, сетования не вызывают сочувствия, не могут помочь [7, с. 175]». Речь охотников не имеет никакого отношения к столице, а употребление ими фразеологизма обусловлено чисто ситуативным фактором. Но такой пример у Проханова, скорее, относится к единичным. Важность значения лексемы Москва подтверждает и пример лексического варьирования в пословице *Земля слухами полнится*: «*Обеими руками схватил (Сабрыкин – Е. ладонь Алексея и долго тряс, проходя вслед за хозяином в комнату. – Видите ли, Москва слухами полнится* [8, с. 244]». С одной стороны, наличие и частотность данных фразеологизмов в романах обусловлены тем, что именно Москва наиболее часто становится местом действия, полем, на котором разворачиваются разнообразные события. С другой стороны, образ столицы, создаваемый посредством ФЕ, перерастает в один из элементов концепта русскости.

У Александра Проханова русскость сопряжена с чувством гордости за *Русскую Победу*, радости от ожидания наступления

Русского века и горечи от осознания гибели *Русской Атлантиды*. В понимании русскости Проханов одновременно и традиционен, и новатор. «Если проследить путь русской исторической, религиозной, философской мысли, изложенных старославянскими литерами или современным компьютерным шрифтом, то обнаружится, что основная русская идея сводится к тому, что Россия – это иная страна. Русский народ, русское государство – абсолютно отличны от прочего мира. Инобытие являлось основой русского сознания [14]». Есть определенный круг понятий, который убеждает нас в том, что русский взгляд на себя самих и на свой мир существует. Его вслед за В. Далем мы можем увидеть в материалах «Толкового словаря живого великорусского языка», где в словарной статье «Русак» приведены обороты, простые и понятные каждому человеку: *Здесь русским духом пахнет; Не стерпело русское сердце; Русский ум – задний ум; русский Бог; русский час; Русское: сухо, бреди (подымайся) по самое ухо!; русское спасибо; русская рубаха; С ним по-русски не сговоришь; русским счетом*. Даже беглый взгляд на приведенный перечень оборотов позволяет увидеть, что они в сжатом виде отражают этническое осмысление русскости [18]. Материалы словарной статьи словаря Даля показывают признаки русскости, осознаваемые самими русскими. Эти признаки могут быть чисто внешними, отражающимися в одежде, обуви, прическе, кухне и т. д.; но они могут быть и сущностными, глубинными, проявляющимися в восприятии или оценке того или иного явления действительности, в понимании себя и своего места в мире. Внимание писателя Александра Проханова сосредоточено именно на внутреннем мире героя, а значит, и на внутренней, ментальной и духовной стороне концепта русскости.

Ф. Фархутдинов связывает одну из «русских» особенностей с восприятием времени: русскость и ход времени [18]. Именно этим можно объяснить использование в речи таких своеобразных единиц измерения времени как *русский час; московский час; русский месяц; деревенский месяц*. Именно поэтому во фразеологии Проханова распространяется *русское время, русский век, русское инобытие, русское будущее*. Ср.: «Оглянулся и увидел

темный гранит и на нем серо-седое лицо женщины, которую он видел во сне на летучих санях, и которая, по словам Ольги Дмитриевны, была хранительницей русского времени [15, с. 416]», « ... Но над Русью светает... Ты и я – мы две половины расколотого зеркала. Сложим эти две половины, и в них, как в волшебном стекле, отразится Русское Будущее [13, с. 43]».

Следующей характерной чертой русскости Фархутдинов считает понятие меры. Внутренне русскость проявляется и в особом понимании меры, которая оказывается этнически маркированной (*По латыни два алтына, а по-русски шесть копеек; Русским счетом будет всего столько-то...*); а также в знании этой меры или в ее незнании: *Я свою меру знаю; не знает меры кто-л.; Душа всему мера [1, с. 7].* Мера у русских оказывается лично окрашенной и наполненной особым содержанием: каждый человек знает свою меру и этим отличается от других людей. Видимо поэтому в русской среде осуждается, когда кто-то подходит к другим со своей меркой: *Ты по себе-то не меряй всех; Ты по себе людей не равняй; Он всех по себе меряет*). При этом своеобразие русского проявления меры просматривается в таком стереотипе поведения, как руководство речевой формулой *Я бы на твоём месте...* В этом смысле любопытно рассуждение Е. Яковлева, который считает, что провозглашенная еще Протагором идея меры («Человек – мера всех вещей»), позднее развитая в эпоху Ренессанса, в движении «Бури и натиска», отразившаяся в формуле раннего Маркса «Человек умеет производить по меркам любого вида» и концепции «одномерного человека» Г. Маркузе, характерна лишь для европейского менталитета. При этом Е. Яковлев убежден, что «для русского человека характерна безмерность, в которой есть черты отрицательные, ужасающие и черты положительные, возвышенные. Эта безмерность антиномична и не разрешима не только в пределах рассудка, но и разума [19, с. 11–12]». Фархутдинов отмечает «неубедительность доводов Е. Яковлева об отсутствии чувства меры у русских людей. Помимо внутреннего понимания меры, важного для отдельного человека, есть и внешнее ее понимание, которое тоже лично окрашено. При

этом личностная окрашенность внешнего понимания меры оказывается важной для других людей, для социума». Думается, что и для Александра Проханова и для его героев *русская мера*, несомненно, существует и находит выражение в ФЕ *русская правда, русская справедливость*. Ср.: «Россия спасена, торжествует **«русская правда», «русская справедливость»** [8, с. 482]». Однако, как видим, писатель не распространяется по поводу конкретного семантического наполнения данных ФЕ, он просто констатирует факт: они есть.

С понятием меры своеобразно связывается ФЕ *Русский Праведник*. Николай Плужников, герой «Крейсеровой сонаты», наполовину умерший человек, наполовину бессмертная душа, приходит в мир людей и становится проводником и носителем этой самой меры. Ср.: «*Окстись! Ты же русский сын! Оглянись скорей! К нам идет Праведник!.. Пора встречать Русского Праведника!* [11, с. 288]».

Наибольшую частотность в языке Проханова получили фразеологизмы, реализующие связь русскости и осмысления мира. К ФЕ, в семантике которых проявляется связь русскости и осмысления мира, в идиостиле Проханова следует относить фразеологизмы: *русская альтернатива, Русская победа, русская идея, Русская Палестина, Русская Атлантида, Русская Империя, Русская цивилизация, русская рулетка, Русский Мир, Русский Космос, Русский Рай, русский ад, Русский хаос*.

В вопросе о концепте русскости, как отмечает Андрей Савельев в работе «Архипелаг Святая Русь», особняком стоит мысль о том, «что проблема «русскости» была не столько задачей подкрепления антропологическими исследованиями самоочевидной реальности русского народа, сколько «политическим концептом» без всякой опоры [16]. Русскость героев Проханова напрямую связана с феноменом Советского Союза, не мыслится без советского этапа (по-прохановски, без «*Четвертой империи*»). «Дон-Кихот по-советски» – такое определение Проханову дает Александр Дугин. «После августа 1991 года наши отношения изменились качественно. Я утратил остатки осторожности в отношении «советской» фигуры.

Проханов, видимо, решил идти навстречу тем идеям и концепциям, которые не укладывались ранее в вялотекущие взгляды «официальных государственников». Я думаю, что сам он испытал глубочайший шок. Проханов верил в Советское Государство, был предан Советскому Государству, служил Советскому Государству и его Системе. Проханов, певец Системы, остался верен Системе, даже когда она рухнула [6, с. 12]».

Александра Проханова называют «летописцем своего времени, изобразившим в романах все войны, революции и катастрофы, произошедшие в России в конце XX – начале XXI века». Русскую национальную идею ещё 250 лет назад сформулировал Иван Шувалов: «Сбережение народа». В нашем веке эти слова повторил Александр Солженицын. Но Александр Проханов, как замечает Сергей Беляков, решительно с этим не согласен. «Или великая Россия – или никакой России не нужно. Россия и русские живут во имя мистической Русской Победы и Русского Рая [2, с. 14]».

Критики отмечают многогранность писательской манеры Проханова: «резок и угловат, мужественен и вроде бы излишне холоден», и в то же время «порой лиричен до прозрачности сиреневого апрельского заката» [3, с. 16]. В основе событий романа «Скорость тьмы» лежит легенда о так называемой «Русской Атлантиде» – стране Молоде, которая ушла под воду и жители которой приняли библейскую смерть. В творчестве Проханова особое место занимают религиозные мотивы, образы праведников, бессмертной души, небесного Рая. Но в романе «Скорость тьмы» появляется новый, связанный с затопленной страной, образ Рая, получающий свое наименование через фразеологическую форму: «Ходит легенда, что где-то на дне находятся врата **Русского Рая**. Пусть миф, пусть легенда. Но она дает основание создать целую индустрию туризма. Хотите попасть в **Русский Рай**, садитесь на теплоход, плывите в море, погружайтесь в аквалангах и ищите свои золотые ворота [15, с. 138]». Обратившись к терминологии А. Григорьевой, отметим, что рассматриваемая фраза употребляется писателем в качестве своеобразного «поэтического фразеологизма», обладающего яркой образностью [17, с. 12].

Рассмотренный фразеологизм так или иначе призван репрезентировать религиозные прохановские мотивы, своеобразные потому, что в процессе их раскрытия рождаются и получают дальнейшее развитие образы *русских богов* («*Между нынешним народом и небом, где обитают «русские боги», святые праведники, неусыпные молитвенники, между нами и хранящими нас ангелами распростерся непроницаемый экран, опущен «железный занавес», не пропускающий прану...»* [13, с. 152]), *русского Ангела* («*У России есть свой Человек Неба. Это Юрий Гагарин. Он олицетворяет русскую силу, благородство, красоту, целомудрие. Недаром его называют русским Ангелом*» [8, с. 40], а самому *Русскому Раю* противопоставлен *Русский ад* («*Эта клиника, как и недавняя колония строгого режима, являет собой образ русского ада, в который превращена его (Алексея – Е. А.) несчастная родина* [8, с. 396]»).

Рассматриваемые фразеологизмы наделены в романах Проханова сюжетобразующей функцией. Для примера обратимся к «увертюре, посвященной собственно катастрофе «Курска» [5, с. 599] – роману-трагифарсу «Крейсерова соната»: «*Из-за груди рассыпанных, пламенеющих сердцевиной арбузов выскочила молодая седовласая женщина с зелеными глазами. Кинулась на творящееся возмездие скинхеда, вцепилась ему в кожанку... – Окстись! Ты же русский сын» Оглянись скорей! К нам идет Праведник!.. Пора встречать Русского Праведника!..* [11, с. 288]»; «*Граждане бомжи!.. – гремел расходящийся воронкой звук. – К вам обращаются агенты спецподразделения «Блудущие вместе»!.. В ваших рядах находится некто, кто называет себя Русским Праведником!.. Он – самозванец!.. Он не прошел всероссийскую перепись населения и тем самым нарушил гражданский долг!.. Отдайте его нам, мы занесем его в учетную книгу, поставим на лоб штемпель переписи и отпустим обратно!.. Граждане бомжи, повторяю!.. / – Это за тобой? – спросил Плужникова Иван Иванович. – Ты – Русский Праведник? / – Я – странник... Явился неизвестно откуда...* [11, с. 444–445]». *Русским Праведником* называют в романе «душу» капитана-лейтенанта Сергея Плужникова, погибшего при

затопленни подводного крейсера «Москва», согласно писательскому замыслу. «Душа» подводника имеет телесную оболочку и приходит в мир живых людей, с борта погибшей «Москвы» в Москву-столицу, терпящую нравственную гибель и духовное разложение, с миссией спасения. Наименование образа героя романа в процессе развития событий в художественном мире произведения становится окказиональной субстантивной фраземой, способствующей пониманию *русскости* писателем Александром Прохановым.

Таким образом, одной из центральных составляющих картины мира Александра Проханова является концепт *русскость*, а фраземы с компонентом-адъективом *русский* в своем составе играют важную роль в его репрезентации. Употребление их призвано, с одной стороны, раскрыть особенности индивидуальной писательской манеры автора, а с другой, – становятся способом характеристики художественных образов героев. Выявление и анализ особенностей функционирования фразеологических единиц в романах Александра Проханова, условий и следствий окказиональных фразеологизмов способствует пониманию своеобразия фразеологической картины мира писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В. П. Мудрость народов // Пословицы и поговорки народов Востока. – М. : Издательство восточной литературы, 1961. – С. 7–20.
2. Беляков С. Апология злодея / С. Беляков, А. Проханов // Частный корреспондент. – № 10. – 2009. – С. 12–14.
3. Бондарев Ю. В. Творец / Бондарев Ю. В. // День литературы. – 1998. – № 8. – С. 15–17.
4. Бондаренко В. Хранитель времени / В. Бондаренко // Проханов А. А. Собрание сочинений : В 15 т. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2010 – Т. 1. – С. 5–64.
5. Данилкин Л. Человек с яйцом. Жизнь и мнения Александра Проханова / Данилкин Л. – М. : Ad marginem, 2007. – 664 с.

6. Дугин А. Г. Палладин пустоты / Дугин А. Г. // День литературы. – 1998. – № 8. – С. 17–21.
7. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / Жуков В. П. – М. : Русский язык, 1991. – 534 с.
8. Проханов А. А. Виртуоз / А. А. Проханов // Проханов А. А. Собрание сочинений. В 15 т. / А. А. Проханов. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2010. –
Т. 12: Виртуоз : роман. Третий тост: рассказы. – 766 с.
9. Проханов А. А. Господин Гексоген / А. А. Проханов // Проханов А. А. Собрание сочинений. В 15 т. / А. А. Проханов. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2010. –
Т. 6: Господин Гексоген : роман. – 701 с.
10. Проханов А. А. Красно-коричневый / А. А. Проханов // Проханов А. А. Собрание сочинений. В 15 т. / А. А. Проханов. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2010. –
Т. 5: Красно-коричневый : роман. – 860 с.
11. Проханов А. А. Крейсера / А. А. Проханов // Проханов А. А. Собрание сочинений. В 15 т. / А. А. Проханов. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2010. –
Т. 8: Крейсера соната : роман. – 574 с.
12. Проханов А. А. Лось / Проханов А. А. // А. А. Проханов. Иду в путь мой: повести и рассказы / А. А. Проханов. – М. : Вече, 2003. – С. 227–235.
13. Проханов А. А. Пятая империя / А. А. Проханов // Проханов А. А. Собрание сочинений. В 15 т. / А. А. Проханов. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2010. –
Т. 11: Пятая Империя : роман. – 735 с.
14. Проханов А. А. Симфония Пятой империи / А. А. Проханов. – Режим доступа к публикации : <http://lib.rus>.
15. Проханов А. А. Скорость тьмы / А. А. Проханов // Проханов А. А. Собрание сочинений. В 15 т. / А. А. Проханов. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2010. –
Т. 15: Скорость тьмы : роман. Третий тост : рассказы. – 607 с.
16. Савельев А. Архипелаг Святая Русь / А. Савельев. – Режим доступа к публикации : [http:// www. rus-arhipelag.ucoz.ru/publ](http://www.rus-arhipelag.ucoz.ru/publ).

17. Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология : монография / И. Ю. Третьякова. – Кострома : КГУ им. Некрасова, 2011. – 290 с.
18. Фархутдинов Ф. В. Такое простое и понятное слово русски / Фархутдинов Ф. В. – Режим доступа к публикации : <http://www.slovorus.iv-edu.ru/Vestnik>
19. Яковлев Е. Г. Заглянуть в самую бездну! (О некоторых онтологических чертах русского духа) / Е. Г. Яковлев // Русская культура и мир : Тезисы докладов участников Международной научной конференции. – Нижний Новгород, 1993. – С. 11–14.

Стаття надійшла до редакції 25 січня 2013 року

УДК 001.891.32:81'38[821.111-4(94)+ 821.161.2/1+ 821.162.1]

*Марина Альошина
(м. Київ, Україна)*

ТЕОРЕТИЧНІ ОСНОВИ АНАЛІЗУ ВІДТВОРЕННЯ СТИЛІСТИКИ В ПЕРЕКЛАДІ

У статті проаналізовано теоретичні основи відтворення стилістики при перекладі на матеріалі романів Марка Твена «Пригоди Тома Соєра» та «Пригоди Гекльберрі Фінна» (на прикладі перекладів М. Загірньої, Н. Грінченко, В. Митрофанова, І. Стешенко, К. Чуковського, Н. Дарузес, Я. Білінського та М. Тарновського). Показано, що дослідження відтворення стилістики в перекладі дає можливість окреслити основні спільні та відмінні риси її передачі різними авторами.

Ключові слова: стилістика, стиль, переклад, аналіз, літературна норма.

В статтє проанализированы теоретические основы воспроизведения стилистики в переводе на материале романов Марка Твена «Приключения Тома Соєра» и «Приключения Гекльберри Финна» (в переводе М. Загирней, Н. Гринченко, В. Митрофанова, И. Стешенко, К. Чуковского, Н. Дарузес, Я. Билинского и М. Тарновского). Показано, что исследования воспроизведения стилистики в переводе позволяет выделить основные общие и отличительные черты ее передачи разными авторами.

Ключевые слова: стилистика, стиль, перевод, анализ, литературная норма.